

УДК 82

**«НЕЗДЕШНЕЕ» ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЁВА
И «НЕВЫРАЗИМОЕ» АФАНАСИЯ ФЕТА**

© 2009 г.

М.А. Глушкова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

maglushkova@mail.ru

Поступила в редакцию 14.09.2009

Рассматривается проблема «невыразимого» в лирике Вл. Соловьёва в сопоставлении с традицией поэзии А. Фета, дан анализ творческой интерпретации Вл. Соловьёвым образа полета, функции риторического приема сегования на бессилие слова. В лирике Вл. Соловьёва, в отличие от поэзии А. Фета, тема «невыразимого» окрашена в иронические тона, а характерные для лирики Фета образы-символы являются знаками мистического откровения, в результате чего проблема «невыразимого» в трактовке Вл. Соловьёва превращается в проблему представления «нездешнего».

Ключевые слова: невыразимое, нездешнее, Фет, Соловьёв, поэзия, символ, образ.

Поэзия Владимира Соловьёва является частью романтической линии в поэзии XIX века, связанной с именами Жуковского, Тютчева и Фета, продолжением которой стал символизм.

Для поэтов-символистов связь двух близких им по духу художников была несомненной. Блок прямо называет Вл. Соловьёва «благодарным учеником фетовской поэзии» [1, с. 332]. У Белого в его очень личностном лирическом очерке эта связь обыграна художественно: «Бессильный ребенок, обросший львиными космами, лукавый черт, смущающий беседу своим убийственным смешком: «Хе-хе», и — заря, заря! Соловьёв всегда был под знаком ему светивших зорь. Из зари вышла таинственная муза его мистической философии (она, как он называл ее)» [2, с. 278].

Брюсов в статье «Искусство или жизнь» дает развернутую характеристику Соловьёва как ученика Фета: «Владимир Соловьёв в стихотворстве был учеником Фета. Его ранние стихи до такой степени перенимают внешне приемы учителя, что их можно было бы почти нечувствительно присоединить к сочинениям Фета, как к собраниям стихов Овидия присоединяют его безмянных подражателей. Таковы, например, стихи «Пусть осень ранняя смеется надо мной...», «Нет вопросов давно и не нужно речей...» и т.п. ...» [3, с. 266].

Однако вопрос о месте лирики Соловьёва в русской литературе остается практически неизученным. Это объясняется в первую очередь тем, что главным для Соловьёва была философия, поэзия же составляла небольшую часть из всего им написанного и при характеристике его

философского мировоззрения отодвигалась на второй план (как, например, в монографиях К.К. Мочульского и С.М. Соловьёва, посвященных его творчеству). По-видимому, это одна из причин того, что вопрос о литературной традиции, продолженной Вл. Соловьёвым, остался практически без ответа. Между тем изучение следов поэтической эволюции философии романтизма в лирике Соловьёва позволяет предположить, что у истоков этого явления — поэзия Фета.

В поэзии Соловьёва исследователями отмечалось безусловное влияние техники фетовского стиха, мира его образов и звучания ритмов¹. Источником «легкости и воздушности» поэзии В. Соловьёва С. Соловьёв считает именно фетовскую «прозрачность и бесплотность» стихотворной ткани, в которой «его сознательное и волевое Я расплавляется и он весь во власти какой-то магии», в стихах последнего десятилетия обозначенной проблесками символической поэзии [4, с. 280–281].

Л. Гинзбург отмечала, что на поприще поэзии «Вл. Соловьёв — ученик Фета, и стихи его внешне похожи — интонацией, романтическим словарем, мотивами любви, природы, мечты, спасающей от жизни» [5, с. 250].

Помимо духовных связей между поэтом и философом, питавших материю стихов-посвящений, исследователи указывают на ряд черт поэтики Соловьёва, сформировавшейся под влиянием Фета, его художественных находок, к числу которых относятся повторяющийся в лирике Фета мотив перехода от света к сумеркам, образ таинственных солнечных лучей и

невидимого прибора, особая функция метафоры. Метафора в лирике В. Соловьева – свидетельство существования трансцендентного, жизни за пределами нашей вселенной, вечности. А ведь все это неотъемлемая часть метафизической поэзии Фета (вспомним его выражения: «до вечного свидания», «вещие сны», «бессмертные озарения», «умолкнувшие певцы», «приближение неуловимого», «отошедший друг») [6, с. 168].

В работах М. Шмониной отмечаются переключки стихотворений Соловьева с фетовской поэзией (сборником «Вечерние огни») на уровнях метрики, ритмики, мелодики, рифмы, подкрепленные сюжетной смежностью. При этом, по мнению автора, в текстах Фета Соловьев вычитывает тютчевские формулы и «переводит» Фета на тютчевский язык [7].

Исследователями отмечены и явные отличия поэзии Соловьева от лирики Фета. Валерий Брюсов полагал, что если в поэзии Фета начало художественное преобладало, то «Владимир Соловьев сознательно предоставил в своих стихах первое место – мысли» [3, с. 266].

К. Мочульский увидел главное отличие поэзии Соловьева в ее мистицизме, не свойственном лирике Фета: «Звонкий, сверкающий и благоухающий мир Фета, охваченный весенним томлением и любовным трепетом, пленял Соловьева своей телесностью, материальностью, но пугал замкнутой, самодовлеющей красотой. За «блистательным покровом» лик Божества оставался скрытым: у Фета была ликующая, торжествующая материя, но не богоматерия, о которой учил Соловьев». Это отразилось и на поэтике Соловьева: «В стихах философа поэтический натурализм Фета одухотворяется. Плоть мира становится прозрачной, образы превращаются в символы, яркие краски тускнеют, звучания приглушаются, и «под грубой корою вещества» начинает просвечивать «нетленная порфира» [8].

А.Ф. Лосев проводит разделение мировоззренческих позиций Фета и Соловьева: «Пока речь шла о «чистой поэзии», Вл. Соловьев был единомышленником и Гете, и Шопенгауэра, и Фета. Но Вл. Соловьев никогда не был принципиальным пантеистом, а всегда оставался христианином, и притом православным. Красота природы не имела для него самодовлеющего значения, будучи лишь отдаленным подобием бесконечного божественно-личного совершенства» [9, с. 488].

Рассматривая лирику Соловьева с точки зрения техники стиха, Л. Гинзбург указывала на тот факт, что от Фета у него остались только

«романтические иносказания, для Фета важные, но звучавшие по-фетовски лишь в сложном единстве его многопланых стихов» [5, с. 250].

Таким образом, намеченные исследователями пути философской и поэтической интерпретации фетовских начал в поэзии Вл. Соловьева нуждаются в более подробной разработке.

Факт влияния поэзии Фета на поэзию и эстетическую позицию Вл. Соловьева отмечен в его статье «О лирической поэзии», которая почти полностью посвящена анализу творчества Фета. В ней отчетливо звучит мысль Вл. Соловьева об особой близости (неоднократно отмеченной в поэзии Фета) лирики и музыки как видов творчества, в которых запечатлено прямое откровение человеческой души. Вслед за Фетом Вл. Соловьев утверждает, что поэзия, которую можно пересказать прозой, никуда не годится.

Особенно близко к фетовской стилистике Соловьев приближается в трактовке одной из главных тем романтической линии – темы «невыразимого».

У Фета мотив «невыразимого» сливается не только с темой творчества, но и с темой любви. Сближение двух невыразимых в слове состояний: вдохновения творческого и любовного – было своеобразным открытием Фета. Это поэтическое открытие Фета получило теоретическое осмысление в философской системе Вл. Соловьева: любовь равна искусству (творчеству) по своему назначению, так как оба движения души даруют преходящим явлениям (в том числе и природным) бессмертие путем их одухотворения и возвышения над тленной материей².

В статье «О лирической поэзии» Соловьев писал о лирике Фета: «Красота природы и сила любви имеют в поэтическом вдохновении один и тот же голос, они одинаково говорят «нездешние речи» и как два крыла поднимают душу над землею» [10, с. 419]. Но если поэзия Фета пронизана пантеистическим восторгом перед красотой окружающего мира (в чем он близок к линии Жуковского), в «бесприродной» поэзии Соловьева невыразимость связана в основном с любовной тематикой, так как для Соловьева красота природы не одухотворена.

Объединить в одном художественном образе оба мотива Соловьеву удастся с помощью образов-символов, чаще всего это переработанные метафоры из поэзии Фета, передающие душевное состояние, возникающее у лирического героя в момент попытки передать невыразимое. В стихотворениях Соловьева эти фетовские метафоры превращаются в символы «невыразимого».

Часто повторяющимися в поэзии Фета являются метафоры подъема и полета. Полет для

Фета синоним ухода из мира будничного в поэзию, который сродни романтическому побегу. В лирическом стихотворении он получает реализацию в виде своеобразного лирического сюжета полета. И в этом он продолжает традицию Жуковского, для поэзии которого характерно описание полета души в момент соприкосновения с невыразимым: «Когда душа смятения полна/ Пророчеством великого виденья/ И в беспредельное унесена»³. В поэзии Фета встречаются такие описания полета: «И тотчас в небо унесут меня раскинутые крылья» («Я потрясен, когда кругом...»), «Пока душа кипит в горниле тела,/ Она летит куда несет крыло» («Все, все мое...»), «Но сердца бедного кончается полет одной бессильною истомой» («Как трудно повторять живую красоту»). Кроме того, в его лирическом мире крылата не только душа, но и звуки (Лишь у тебя поэт крылатый слова звук..., «Как мошки зарею, крылатые звуки толпятся»).

Подхватывая эту фетовскую метафору, Соловьев концентрирует ее смысл в одном повторяющемся образе крылатой души. Когда этот образ возникает в стихотворении о природе («В Альпах»), то он не связан с ситуацией полета: «Синие горы кругом надвигаются,/ Синее море вдали./ Крылья души над землей поднимаются,/ Но не покинут земли»⁴. Красота природы не одухотворена, поэтому душа не может оторваться от земли в ее созерцании. В этом, как было сказано выше, отличие соловьевского мистического видения мира от фетовского пантеистического.

Мотив полета возможен и необходим только тогда, когда он соединяется с мотивом одухотворяющей любви: «Душа почуяла два легкие крыла, и в новую страну неистощимой грезы Любовь волшебница меня перенесла» («Был труден долгий путь. Хоть восхищала взоры...»). Как видим, развернутая здесь ситуация полета близка к фетовской, Соловьев даже повторяет метафору Фета: «Недалека воздушная дорога,/ Один лишь миг – и я перед тобой/ И в этот миг незримого свиданья/ Нездешний свет вновь озарит тебя»⁵ («Зачем слова?») (ср. У Фета: «Туда, туда/ Воздушною дорогой/ И в вечность улетим»).

Но если у Фета этот иной мир обозначен лишь абстрактно – как «вечность», то в поэтическом мире Соловьева он конкретизируется: от иносказательных описаний: «Поляна чистая луною серебрится, деревья стройные недвижимо стоят» до обещаний душевного покоя: «И тяжкий сон житейского сознанья/ Ты отряхнешь, тоскуя и любя». Конкретизируясь еще

больше, этот образ дополняется антонимом – «бескрылой мечтой» – означающим невозможность реализации задуманного. «Трепет бескрылой мечты» («Зной без сияния, тучи безводные») или «И крылья вырваны у радужной мечты» («Три дня тебя не видел, ангел милый...»).

Тема «невыразимого» у Соловьева сопровождается характерными для поэзии Фета сетованиями на бессилие слова. Соловьев обращается к своеобразному парафрастическому зачину стиха «Зачем слова?»: «О что значат все слова и речи», в котором «просвечивают» зачины стихотворений Фета «Как беден наш язык!», «Друг мой, бессильны слова», «Людские так грубы слова» и т.д. Однако у Соловьева-поэта мотив сетования на невозможность адекватного выражения душевного порыва в слове декларативен.

«О как бессильно холодное слово», – пишет Соловьев, почти дословно повторяя Фета. Но в стихотворении, зачином которого является это восклицание, нет характерной для фетовской поэзии муки поиска адекватного выражения мысли и чувства в художественном слове. «Невыразимость» для Вл. Соловьева становится в большей степени проблемой онтологической, чем художественной. Бытие духовных сил плохо объяснимо рациональным языком, поэтому его стихотворения, затрагивающие проблему «невыразимого», обращаются в пророчества о «нездешнем».

Эта особенность его поэзии выражалась на лексическом уровне с самых первых его стихов. Для поэзии Соловьева характерны отрицательные эпитеты: «нежданная любовь», «невнятные речи», «невыраженные чувства», «невывсказанные слова» и т.п. Их главная функция в намеке на состояния души, неподвластные логическому выражению. Значение этих эпитетов становится настолько размытым, что все стихотворение приобретает символическое звучание.

Уже в стихотворении 1875 года появляется образ с характерными эпитетами: «Хоть мы навек *незримыми* цепями/ Прикованы к *нездешним* берегам». Перекликаясь со строками Фета: «Я с речью нездешней, я с вестью из рая» («В страданье блаженства стою пред тобою...») эпитеты «незримый» и «нездешний» становятся символами запредельного мира, знание о котором подкреплено мистическим опытом самого Соловьева. «И в этот миг *незримого* свиданья/ *Нездешний* свет вновь озарит тебя./ Тяжкий сон житейского сознанья/ Ты отряхнешь, тоскуя и любя» («Зачем слова») или: «О, что значат все слова и речи/ этих чувств отлив или прибой/ Перед тайною *нездешней* нашей встречи,/ Перед

вечною недвижною судьбой?» («О, что значат все слова и речи»). «Милый друг, иль ты не видишь,/ Что все видимое нами – / Только отблеск, только тени/ От незримого очами» («Милый друг, иль ты не видишь»). «Нездешние сны», «нездешние цветы», «нездешние берега», «нездешние страны», «нездешнее виденье» также символизируют иное бытие.

Так «невыразимое» в интерпретации Соловьева становится «нездешним», «незримым». А «отрицательные» эпитеты отражают невозможность передать словами мистический опыт – «невыразимое». Об этом писал Мочульский: «Так как мистический опыт по природе своей «неизреченное», то образы не выражают его, а только символизируют. Для поэзии Соловьева характерна символизация» [8].

В трактовке проблемы невыразимого Соловьев, как и предшествующие ему поэты (Тютчев, Фет), делает шаг к поэтизации состояния молчания. У Вл. Соловьева это многозначная «немота», говорящая больше, чем все слова: «Милый друг, иль ты не чуешь,/ Что одно на целом свете – Только то что сердце к сердцу/ Говорит в немом привете?».

Еще один вариант решения проблемы «невыразимого» в поэзии Вл. Соловьева связан с приемом иронии. И в этом он более близок к традиции немецкого романтизма, ведь для русских романтиков говорить о серьезных вещах смеясь было не свойственно⁶. Смысл иронии, по Е. Маймину, в том, что с ее помощью поэт в «единственном своем роде акте освобождения ниспровергает власть реального» и «романтическому поэту кажется, что он одерживает над реальностью духовную победу» [11, с. 20]. У Вл. Соловьева это господство над мистической реальностью, как, например, в стихотворении «Das Ewig-weibliche» (Слово увещательное к морским чертям) или поэме «Три свидания». В связи с этим К. Мочульский утверждает, что шуточный тон вызван боязнью встретить насмешку со стороны читателя и как бы предупреждает и такую реакцию. А.Ф. Лосев, напротив, видит в данном приеме лишь подтверждение возвышенного идеализма Вл. Соловьева, который «шутит смеясь, подтверждая тем самым свою тайную радость и духовное веселие в связи с незыблемостью для него исповедуемых им истин» [9, с. 474].

Итак, проблема «невыразимого», актуальная для романтической поэзии, решается Соловьевым в ключе традиции, с характерными мотивами полета и сетования на бессилие слова, утверждением состояния молчания как возможной полноты выражения.

Но традиция выступает только как внешний прием, как необходимый инструмент развертывания темы. В лирике Соловьева отсутствует фетовский восторг перед красотой окружающего мира, нет мучительного поиска слова, адекватного переживаемому душевному состоянию.

Вл. Соловьев использует характерные только для него художественные средства: о своем мистическом ощущении другого бытия он говорит либо с иронией в поэме «Три свидания» или в стихотворении «Das Ewig-weibliche» (Слово увещательное к морским чертям), либо символическими знаками, за которыми скрывается мысль о видении. Символический образ характеризуется «двуплановостью», когда «подлинный смысл явления (и обозначающего его слова) раскрывается у Соловьева-лирика в результате объединения, по меньшей мере, двух рядов значений: земного, эмпирически-реального, и высокого, мистически-идеального» [12, с. 28]. Обращение Вл. Соловьева к такому «двуплановому» образу преобразует его стихотворения о «невыразимом» в пророчества о «нездешнем» мире.

Примечания

1. К.К. Мочульский писал: «Влияние Фета было определяющим для всего поэтического творчества Соловьева» [8].
2. В философской системе Соловьева красота природы понимается как материальная сторона Всемирной идеи, и поэтому она преходяща. Однако природная красота может и должна быть одухотворена искусством или любовью. Подробно об этом – в трактате Вл. Соловьева «Красота природы».
3. Стихотворение цитируется по следующему изданию: Жуковский В.А. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1982. 431 с.
4. Здесь и далее стихотворения цитируются по следующему изданию: Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Сов. писатель, 1974. 350 с.
5. Здесь и далее стихотворения цитируются по следующему изданию: А.А. Фет. Соч.: В 2 т. Т. I. М.: Худож. лит., 1982. 575 с.
6. В.А. Грехнев писал: «Чисто ироническое отношение к невыразимому – лишь иллюзорная форма овладения тем, что сопротивляется воплощению в слове». И далее: «Может быть, именно поэтому русский романтизм и не воспользовался ироническим опытом немецких романтиков, предпочитая серьезный художественный поиск своеобразной романтической игре» [13, с. 383].

Список литературы

1. Блок А. Рыцарь-монах // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Сов. писатель, 1991. С. 329–335.
2. Белый Андрей. Из воспоминаний о Владимире Соловьеве // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Сов. писатель, 1991. С. 277–283.

3. Брюсов В. Ремесло поэта. Статьи о русской поэзии. М.: Современник, 1981. 399 с.
4. Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. 431 с.
5. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 414 с.
6. Шеншина В.А. А.А. Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание. М.: Изд-во «Добросвет», 2003. 256 с.
7. Шмони́на М. «Тютчевский» пласт в лирике Вл. Соловьева и проблема поэтического языка» [Электронный ресурс] // сайт. -- URL: http://www.sovmu.spbu.ru/main/sno/uc/uc_18.pdf (дата обращения 06.07.2009)
8. Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение [Электронный ресурс] // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы: сайт. URL: <http://www.vehi.net/mochulsky/soloviev/index.html> (дата обращения 06.07.2009)
9. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев. Жизнь и творчество // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 474–492.
10. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 699 с.
11. Маймин Е.А. Русская философская поэзия. М.: Наука, 1976. 190 с.
12. Минц З.Г. Владимир Соловьев – поэт // Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 5–56.
13. Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1994. 464 с.

VLADIMIR SOLOVYOV'S «STRANGE» AND AFANASY FET'S «INEXPRESSIBLE»

М.А. Glushkova

The problem of «inexpressible» in the poetry of Vl. Solovyov is considered in comparison with the tradition of A. Fet's poetry. An analysis of Vl. Solovyov's creative interpretation of the image of flight and the function of the rhetorical device of complaining about the powerlessness of a word is presented. In Vl. Solovyov's poetry, unlike in A. Fet's poems, the theme of «inexpressible» is coloured in ironical tones, while Fet's images-symbols are the signs of a mystical revelation, therefore the problem of «inexpressible» as presented by Vl. Solovyov turns to the problem of representing «strange», «out-of-this-world» things.

Keywords: inexpressible, strange, Fet, Solovyov, poetry, symbol, image.